

ЛАСЛО В. МОЛНАР

**«ПРОСВЕЩЕНИЕ» РОССИЙСКОГО АБСОЛЮТИЗМА
НА ВЕСАХ УСПЕХОВ И ПРОВАЛОВ – НАКАЗ И УЛОЖЕННАЯ
КОМИССИЯ 1767–1768 ГГ.¹**

**THE “ENLIGHTENMENT” OF RUSSIAN ABSOLUTISM
IN THE BALANCE OF SUCCESSES AND FAILURES –
NAKAZ AND THE LEGISLATIVE COMMISSION, 1767–1768**

The author ventures to analyse the “Enlightenment” process of Russian absolutism, to point to Western European prototypes and the successes and failures of government policies associated with Catherine II. In connection with this, it is essential to recognise that these policies had real value: the Empress’ successes in foreign policy, the victorious wars of 1768–1774 and 1787–1791 against the Ottoman Empire, the outcome of the confrontation with the Swedes and the impacts of the three partitions of Poland (1772, 1793 and 1795). Equally important factors in the Empire’s rising fame were undoubtedly Russia’s territorial gains, the development of the military, the modernization of state machinery, the reforms in the administration and the rise in tax revenues from 18 to 60 million roubles. Especial attention will be given to the French and German models for “Nakaz” that the Semiramis of the North deemed reasonable to follow. László V. Molnár also specifies the factors that necessitated the revision of the policy on serfs, as well as referring to contemporary thinkers who were urging modernisation. Concern that the Legal Code of 1649 was outdated was what chiefly prompted the tsarina, in the summer 1767, to convene the Legislative Commission, a collegial body of 564 deputies, to compile a new legal code. Her purpose was to have the country’s modernisation programme debated in the spirit of the proposed “Nakaz.” Speeches delivered by P. A. Vyazemsky, M. M. Shcherbatov and A. P. Naryshkin as well as other representatives of the nobility will also be examined in detail. These speeches, which reflected conservative principles, prevented Catherine from putting her political concept into practice. The majority of delegates, however, consented to curtail the rights of the Baltic provinces, Livonia and Estonia, and thought the situation of serfs living there to be a pattern worth copying. The author of this article also stresses the fact that most of the Russian nobles at the time did not support this manoeuvring on the part of Empress Catherine the Great. The debates sparked during the 203 sessions of the Commission convinced the Empress that, since conflicting interests could not be reconciled, this legislative body was incapable of functioning.

Keywords: influence of the French Enlightenment, social thought, legislative proposals, «Golden Age», Legislative Commission, Nakaz, Catherine the Great, Mikhail Shcherbatov, Alexei Naryshkin, balance of debates

László V. Molnár – retired Associate Professor at University of Pécs, Faculty of Humanities. E-mail address: vmolnar1@freemail.hu

1 *Citation: LÁSZLÓ V. MOLNÁR, “«Prosveshchenie» rossiiskogo absoliutizma na vesakh uspekhev i provalov – Nakaz i Ulozhennaia komissia 1767–1768 gg.” [The “Enlightenment” of Russian Absolutism in the Balance of Successes and Failures – Nakaz and the Legislative Commission, 1767–1768], RussianStudiesHu 6, no. 2 (2024): 175–193. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.21*

ВЛИЯНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА РУССКОЕ ДВОРЯНСТВО

С восшествием Екатерины Великой на престол, начиная с 60-х годов 18 века – подобно тенденциям в Западной Европе – приступили к критической переоценке окостеневших понятий – взглядов, которые выросли на почве феодальных отношений и оправдывали их.² В этом движении, распространившемся по всей Европе, выдающуюся роль сыграли мыслители французского Просвещения, среди них – Вольтер, Дидро, д'Аламбер, Руссо, Монтескье, Буффон и Кондорсе. Они подготавливали умы эрудированных деятелей эпохи к надвигающимся радикальным событиям, а также оказали значительное воздействие на возникновение прогрессивных идей у других наций, в том числе – у русских.

Большое влияние оказали учения Вольтера среди прочих и на князя Александра Борисовича Куракина, который долгие годы проживал в Нидерландах и Англии, где не без удивления и восторга наблюдал расцвет национальной экономики народов, которые перешли на путь капиталистического развития, и с энтузиазмом смотрел на рост производства и высокий уровень культурности гражданского сословия. В подобном духе он высказывался в письме из Англии от 21 марта 1772-го года, адресованном графу Никите Ивановичу Панину: он называет англичан «самым счастливым и достойным уважения» народом, которые

2 О развитии общественной мысли подробнее см. EMIL NIEDERHAUSER (összeáll.): *Az orosz felvilágosodás* (Budapest, 1966); М. Т. Белявский, Л. Г. Кислягина, «Общественно-политическая мысль», в *Очерки русской культуры XVIII века*. Часть третья. Главный редактор: А. Б. Рыбаков (Москва, (далее: М.) 1988), 162–211.; А. Г. Болебрух, *Передовая общественно-политическая мысль второй половины XVIII века и царизм* (Днепропетровск, 1979).; В. И. Моряков, *Русское просветительство второй половины XVIII века* (М., 1994). О влиянии французского просвещения: И. М. Элкина, «Французские просветители и книга Шаппа Д'Отроша о России», *Вестник МГУ, серия «История»*, no. 3 (1973): 71–81.; Он же, «Екатерина II – просветитель или консерватор?», *Вестник МГУ, серия «История»*, no. 3 (2010): 9–26.; С. Я. Карп, *Французские просветители и Россия. Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века* (М., 1998).; С. П. Луппов, *Французская книга в России в XVIII веке* (Ленинград (далее: Л.), 1986).; Д. Н. Шанский, «Некоторые вопросы истории России в трудах французских учёных второй половины XVIII века», *Вестник МГУ, серия «История»*, no. 6 (1981): 46–59., Д. Ф. Кобеко, «Екатерина и Жан-Жак Руссо», в *Екатерина II – pro et contra: антология* (Санкт-Петербург, 2006), 633–648.; Д. Ф. Кобеко, «Екатерина II и Даламбер» в *Екатерина II – pro et contra*, 649–657.

освобождены от самодержавия, которые освобождены от самодержавия и подчинены прихоти ни одного человека, будучи ответственными за свои поступки только перед законом. Он констатирует, что они не должны бояться ни монархов, ни злоупотреблений министров, поскольку их великолепная конституция обеспечивает защиту и гарантию против несправедливости.

Мысль об ограничении монархической власти пользовалась чрезвычайной популярностью не только среди русского дворянства, но и в низших сословиях русского помещичества. Это объясняется тем, что они видели в этом гарантию сохранения сословных привилегий и потенциальное возрастание личной независимости. Пример такой позиции можно встретить в записках украинского мелкопоместного дворянина Григория Степановича Винского, где наряду с «драконскими законами» он настаивает на учреждении «равенства перед законом».³

Граф Никита Иванович Панин, воспитатель престолонаследника Павла, возглавлявший Иностранную коллегию, состоял в регулярной переписке с Вольтером. Накануне Великой французской революции он пишет своему корреспонденту: в стране, где господствует произвол, не существует солидной системы общественных отношений. Граф Панин акцентирует внимание на противопоставление ценности государства и родины, подданных и граждан. Он приписывает это отсутствию учреждения, члены которого связаны между собой нитями общих обязанностей и нравов. Необходимо заранее пояснить, что законопроекты, представляемые графом Паниным императрице, вместо ликвидации крепостного строя, были устремлены к замене системы самодержавия конституционной монархией. Последняя способствовала бы сужению дворянством прерогатив монарха. Панин последовательно придерживался идеи ограничения самодержавия, гарантирования и защиты гражданских прав, выработки и применения «либеральных» законов. Речь шла отнюдь не о «реформах снизу», так как Панин и его соратники в конечном итоге старались укрепить и сохранить зыбкий феодальный строй, приспособив его к более развитым стандартам западно-европейских цивилизаций. Этим объясняется, что представлениям, политическим взглядам и экономическим

3 «Записки Григория Степановича Винского», *Русский Архив*, no. 2 (1877): 156–195.; П. И. БАРТЕНЕВ, «К жизнеописанию Г. С. Винского», *Русский Архив*, no. 6 (1877): 62. О биографии Винского подробнее см. *Моё время. Записки Г. С. Винского*. Редакция и вступительная статья П. Е. Щеголева (Санкт-Петербург (далее: СПб.), 1914).

интересам русского дворянства преимущественно соответствовали доктрины левого крыла французских просветителей (напр. Вольтера).⁴ Согласно представлениям «либеральной» национальной оппозиции абсолютную власть можно ограничить только если делами государства займется «философ на троне», который проводит либеральную политику, т. е. разделяет власть с привилегированными сословиями, и трудится ради созидания «всеобщего блага» путем осуществления всякого рода реформ, – но никогда путем революции.

ПОД ЗНАКОМ РАЗУМА И ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГА

Мысли о воле в «империи царей» родились в тесной связи с бесправным положением крепостных и критикой феодального произвола. Недаром популярность таких движений в 1750–1760-ые годы заставила представителей разнообразных сословий общества задуматься. По этой причине самые дальновидные помещики были озабочены возможностью повторения опасных бунтов и восстаний. В результате был выработан целый ряд проектов с целью успокоения крестьянства. Цель законопроектов состояла в том, чтобы смягчить самые вопиющие примеры несправедливости общественной жизни, в то же время гарантируя сохранение и консервирование основ крепостного режима.⁵ Эти благонамеренные проекты были выработаны такими знаменитыми политическими деятелями тогдашней России, как граф Петр Иванович Панин (усмиритель пугачевщины), Иван Перфильевич Елагин (Статс-секретарь императрицы), граф Никита Иванович Панин (большой эрудит своего времени), Денис Иванович Фонвизин (выдающийся драматург и книгоиздатель).⁶ Их планы превзошел проект, составленный князем Дмитрием Алексеевичем Голицыным,⁷ в котором автор предлагал освобождение крестьян путем уплаты высокой суммы

4 ERICH DONNERT, *Politische Ideologie der russischen Gesellschaft zu Beginn der Regierungszeit Katharina II* (Berlin, 1976), 63–64.

5 М. Т. Белявский, *Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева* (М., 1965); А. Б. Каменский, *От Петра I до Павла I*. Изд. 3. (М., 2019).

6 И. З. Дергачёв, «Из истории русской общественной мысли (70-ые годы XVIII века)», в *Ученые записки Ульяновского педагогического института*, Т. 21. (Ульяновск, 1969), 224–256.

7 И. С. Бак, «Дмитрий Алексеевич Голицын. Философские, общественно-политические и экономические воззрения», в *Исторические записки*, Т. 26. (М., 1948), 258–272.; Г. К. Цвєрава, *Дмитрий Алексеевич Голицын* (Л., 1985), 164–165.

выкупа, но без земельной собственности. Однако, эти представления реформы были, несомненно, адресованы представителям правящих сословий и не были обнародованы. Кроме того, консервативное большинство упорно защищало свои привилегии неограниченную власть над крепостными.

Один из идеологов дворянства, князь Михаил Михайлович Щербатов в своем сочинении «Размышления о неудобствах России дать свободу крестьянам и дать служителям, или сделать собственность имений» решительно выступил против всяческих попыток, устремленных к публичным обсуждениям вопроса о крепостничестве.⁸

Лишь в период с 1767 по 1769 г. такими видными представителями эпохи, как юрист Алексей Яковлевич Поленов, философ Яков Павлович Козельский, профессора Московского университета Семен Ефимович Десницкий, Дмитрий Сергеевич Аничков и Иван Андреевич Третьяков,⁹ наряду с прогрессивно мыслящими депутатами Уложенной комиссии и Николаем Ивановичем Новиковым, издателем сатирических журналов, было сделано немало попыток раскрыть причины общественного неравенства. В прессе¹⁰, на дискуссиях Комиссии и Вольного экономического общества, в аудиториях университетов обсуждался широкий круг вопросов экономики, общественной жизни, политики, права, просвещения и культуры.¹¹ Просвещенные мыслители выступали как критики крепостного строя, как разоблачители злоупотреблений феодалов, строго бичевали беззакония и смело осуждали фиктивность правосудия.¹²

8 М. М. Щербатов, *Избранные труды* (М., 2010), 145–178. Еще о Щербатове: И. А. Федосов, *Из истории русской общественной мысли XVIII столетия*. М. М. Щербатов (М., 1967), 64. О его исторических взглядах: Т. В. Артемьева, *Михаил Щербатов* (СПб., 1994); Д. В. Бугров, «“Надежда” в Антарктиде: загадки Офирской утопии князя М. М. Щербатова», *Известия Уральского государственного университета*, no. 47 (2006): 275–291.; С. Г. Калинина, «Проблемы реконструкции биографии князя М. М. Щербатова», *Архив русской истории*, no. 7 (2002): 126–127.

9 В. А. Томсинов, «Первые русские профессора Юридического факультета Московского университета: С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков», *Вестник МГУ, серия «Право»*, no. 6 (2004): 27–36.

10 П. Н. Берков, *История русской журналистики XVIII века* (М.–Л., 1958), 74–83.

11 В. А. Томсинов, «Юридический факультет Московского университета во второй половине XVIII века», *Вестник МГУ, серия «Право»*, no. 6 (2004): 3–26.

12 М. Т. Белявский, *Крестьянский вопрос*, 24–26.; А. Г. Иванов, «Крестьянский вопрос в России второй половины XVIII века в трудах историка М. Т. Белявского (1913–1989)», в *Хозяйствующие субъекты в аграрном секторе России: история, экономика, право* (Казань, 2012), 527–533.

Алексей Яковлевич Поленов особенно отличался критической позицией в отношении крепостного строя, и если даже не говорил о задаче помещичьей земли, то сформулировал свои требования в девяти пунктах:

1. Максимизация барщины на один день в неделю
2. Государственный контроль над obroком, предотвращение незаконных со стороны помещиков
3. Государственная поддержка крепостных способом тяговых скотов и кредитов
4. Периодическое освобождения крестьян от повинностей
5. Демократизация состава судов (через вовлечение крепостных)
6. Прекращение торго людьми
7. Обеспечение права на свободное переселения
8. Основание сельских народных училищ¹³

Похожую позицию высказывал Яков Павлович Козельский, который требовал строгих разграничений повинностей крепостных, выполняемых в пользу помещика и государства. Он думал, что только таким образом могут быть предотвращены беззакония. Он осознал важные мотивирующие факторы заинтересованности сельского населения в производстве и принцип уважения к его движимому и недвижимому имуществам. Несмотря на то, что Козельский не требовал в своих трудах немедленной ликвидации крепостного строя, его утверждения и требования все-таки не стоит недооценивать. Например, его предложение о присуждении рангов и чинов не по дворянскому происхождению, а по даровитости и ревностности.¹⁴

13 А. Я. Поленов, «О крепостном состоянии крестьян в России», в *Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века*. Т. 2. (М., 1952), 7–29. Тоже см. А. Я. Поленов, «О крепостном состоянии крестьян в России», *Русский Архив* (1865): 509–541.; М. Ф. Шугуров, «Учение и ученики в XVIII веке: по поводу биографии А. Я. Поленова», *Русский Архив* (1866): 304–324.

14 Ю. Я. Коган, *Просветитель XVIII века Я. П. Козельский* (М., 1958).; И. Я. Щипанов, *Философия русского просвещения (вторая половина 18 века)* (М., 1971).

УСПЕХИ «ЕКАТЕРИНСКОГО ЗОЛОТОГО ВЕКА» (РЕФОРМЫ И СТРОЕНИЕ ИМПЕРИИ)

Внутренняя политика государыни неоднократно вызывала ожесточённую критику, но неоспоримым фактом является ее заслуги в области покровительства литературы, искусства и науки, что поставило ее в один ряд в выдающимися монархами современности – Фридрихом II, Марией Терезией и Йосифом II. Ее царствование запомнилось и успехами в области внешней политики. (Мы имеем виду декларацию Вооруженного нейтралитета в 1780 г., заключение с Турцией Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 г. и Ясского мира в 1791 г.) Не будет преувеличением и следующая цитата, отражающая изменение на военной карте континента: «Без нас в Европе ни одна пушка не выстрелит».¹⁵ Ее полководцы (Петр Румянцев, Александр Суворов, Иван Прозоровский, Михаил Каменский и Григорий Потёмкин) между 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг. стояли во главе победоносных армий, нанеших поражения Турции, и вновь отвоевали территории Черноморского побережья, Крыма и Кубани. Благодаря взятию новых территорий в Сибири, трехкратному разделу Польши (1772, 1793, 1795), территория Российской Империи расширилась на 500 тысяч квадратных километров, достигнув 15 миллионов квадратных километров. Численность населения удвоилась в период 1762–1796 гг., превысив 37 миллионов. Итак, царствование Екатерины Великой привело к повышению авторитета России на международной арене, сохранению территориальной суверенности и становлению России как великой европейской державой.¹⁶

Никто не мог сомневаться в том, что государыня является убежденной сторонницей политики просвещенного абсолютизма и всеми силами способствует тому, чтобы империя, причисляемая к периферии, повторила достижения ведущих европейских государств. Для достижения поставленных целей нужно было принять меры в области образования, здравоохранения, установления современного бюрократического аппарата, эффективного развития армии, повышения численности населения, учреждения новых больниц и социальных институций, финансовых заведений, ремонта дорог и канализаци-

15 Cp. LÁSZLÓ V. MOLNÁR, «II. Katalin», in GYULA SZVÁK (szerk.), *A tizenkét legnagyobb orosz* (Budapest, 2009), 230.

16 Ibid., 231.

и.¹⁷ Однако мало кто знал, что в силу законов, которые императрица одобряла в 1765, 1767 и 1773 годах, русский помещик по собственному усмотрению имел право отправлять на каторгу в Сибирь, покупать и продавать, посылать в армию своих крепостных, свою «крещённую собственность».¹⁸

ПЕРВАЯ НЕУДАЧА ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ ИМПЕРАТРИЦЫ: УЛОЖЕННАЯ КОМИССИЯ

Общественная мысль в России в ходе своего развития в XVIII веке оказывается в особом пространстве, которое возникло благодаря Уложенной комиссии, созванной в 1767 году. Прогрессивные современники возлагали большие надежды на это предприятие, видя в комиссии залог будущего распространения практики просвещенного абсолютизма. После коронации Екатерины II потребность пересмотреть унифицированное законодательство Российской империи актуализировалась ввиду того, что судопроизводство в это время все еще выполнялось на базе Соборного уложения 1649 года, которое издал царь Алексей Михайлович. Этот устаревший и отживший свод законов, который был принят Боярской думой, уже не соответствовал духу эпохи и интересам дворянства, но особую неудовлетворенность вызывал в среде купечества. Посему императрица подписала манифест 14 декабря 1766 года, зачитываемый в храмах на протяжении трех воскресений с целью созвать избранных депутатов Комиссии.¹⁹ В то время, до губернской реформы 1775 года, Империя делилась на 20 губерний, а те на провинции и уезды. Вот почему обращает на себя внимание состав Комиссии: все города могли прислать по депутату, а уезды делегировали одного помещика. Кроме того, из каждой провинции один государственный крепостной, один военнослужащий и один иностранный поселенец были допущены к работе Комиссии. Казачество представляли депутаты, принадлежавшие к зажиточному сословию. Выборы в уездах и городах происходили в один тур, в провинциях же были трехтурными.²⁰

17 А. Б. Каменский, *Под сенью Екатерины (вторая половина XVIII в.)* (СПб., 1992), 47–49.

18 В. И. Семевский, *Крестьянский вопрос при Екатерине II* (СПб., 1879), 201–260.

19 Л. А. Волкова, «Наказ» Екатерины II в отечественной дореволюционной историографии», в *Исторический ежегодник*. 2005 (Омск, 2006), 49–50.

20 О. А. Омельченко, *Власть и закон в России XVIII века* (М., 2004), 73–75.

Всего-навсего было избрано 564 депутата заменить на : от городов 208 человек (39%), несмотря на то, что они не составляли даже 5% всего населения, пропорция дворян равнялась 30% (161 человек, государственные учреждения присылали 28 депутатов в Комиссию, барские и так называемые «приписные» крепостные таким образом вовсе не получали мандата, ведь барщину они, как правило, служили с осени до поздней весны на мануфактурных заводах. Крепостные монастырей, секуляризованных в 1764-м году, подобным образом не имели права делегировать своих депутатов.²¹

Депутатов наделяли многочисленными льготами, ввиду которых они – в зависимости от своего общественного юридического положения – не подлежали пыткам или телесным наказаниям, получали медали, которые помещикам разрешалось носить после завершения работы Комиссии. Эти депутаты получали ежегодное жалование по 400 р., тогда как депутаты городского и крепостного происхождения, по 120 и 30 рублей.²²

Торжественному открытию работы комиссии предшествовал ряд событий, которые суммированы в работе П. Н. Петрова: после путешествия по Волге до Казани приехала в Москву императрица. Облаченная в императорские регалии, она слушала 30-го июля 1767 г. литургию в Успенском соборе Московского Кремля. «Туда же, по вступлении в храм императрицы, введены были и депутаты по два в ряд, в предшестве генерал-прокурора князя А. В. Вяземского, державшего в руке маршальский жезл. После литургии был молебен, в заключение которого Гавриил, епископ тверской, обратил к депутатам слово о предстоящих обязанностях и святости их призвания. Напутствованные теплым словом витии, депутаты „целовали крест и евангелие и подписывались под присягою”. Тем временем императрица прибыла в аудиенцкамеру кремлевского дворца, куда по окончании присяги генерал-прокурор, приведя депутатов, расставил их по порядку, назначенному положением. Здесь от лица всего собрания Димитрий (Сеченов) митрополит Новгородский говорил императрице приветствие, на которое отвечал, именем государыни, вице-канцлер князь А. М. Голицын».²³

21 А. В. Флоровский, *Состав Законодательной Комиссии 1767 года* (Одесса, 1915), 24–32. П. К. Борзаковский, *Императрица Екатерина Великая* (М., 1991), 48.

22 Н. Д. Чечулин, «Об источниках “Наказа”», *Журнал Министерства народного просвещения*, по. 4 (1902): 33–36.

23 П. Н. Петров, «Екатерина II – законодательница», в *Екатерина II – pro et contra*, 151.

Итак, Комиссия приступила к работе 30-го июня 1767-го года в Кремле. По традиции местом совещаний была выбрана Грановитая палата, площадью 500 квадратных метров, построенная по приказу великого князя Ивана III согласно планам Марко Руффо и Пиетро Антонио Солари. В день открытия работы Комиссии прибыла сама императрица с многочисленной свитой и немедленно утвердили маршала, то есть председателя комиссии в лице генерала Александра Ильича Бибикова. Его задача заключалась в том, чтобы предотвращать включение такого предложения в повестку дня, которое помешало бы «нормальному» ходу совещаний, иными словами – поднимало бы щекотливые вопросы.

Депутаты скоро выбрали 4 подкомиссии – дискуссионную, комиссию сводов, комиссию наказов, и экспедиционную, которые были предупреждены, что без разрешения они не уполномочены сообщать прессе никаких сведений касательно своей работы, содержания выступлений и несогласий взглядов отдельных депутатов. Затем началась работа 19 секций, которой по преимуществу управлял князь Александр Алексеевич Вяземский, советник Екатерины по делам внутренней политики.²⁴ На торжественном открытии с речью выступила сама императрица, в которой заявила: «Мы думаем, что вместо самоцельной славы мы избраны для того, чтобы служить на благо своего народа».²⁵ После этого заявления многие расплакались. В свою очередь, тронутые речью депутаты в своем обращении к императрице требовали поднесения ей титула «Великой, Премудрой Матери» Отечества. Продолжение речи вызвало более сильный эффект: «Господи, помоги, чтобы после окончания создания нашего закона наш народ жил вольнее, а следовательно – богаче на своей воле, их несчастье я бы не хотела постичь».²⁶

«Наказ», функционировавший вроде красной нити и указателя к работе Комиссии, был написан собственноручно Екатериной Великой. Подобной программы реформ до тех пор не было в русской политической литературе и законодательской практике.²⁷ В самой первой

24 «Письма императрицы Екатерины II к князю А. А. Вяземскому», *Русский Архив*, no. 2 (1866): 625–632.

25 А. Б. КАМЕНСКИЙ, *Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой* (М., 1997), 189.

26 Ср. В. О. Ключевский, «Курс русской истории LXXVIII», в *Сочинения 9-ти тт.* Т. 5. Курс русской истории Ч.5 (М., 1989), 84.

27 О первом русскоязычном издании «Наказа» см. *Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения*. Под редакцией Н. Д.

главе текста своего проекта, в 6 параграфе императрица недвусмысленно позиционирует Россию на карте мира: «Россия есть Европейская держава». Над подготовкой законопроекта императрица трудилась с января 1765 до начала 1767 года. Об этом свидетельствует ее письмо к Мадам Мари-Терезе Роде Жоффрен, хозяйке модного парижского салона, где императрица сообщает, что она уже два месяца работает над компиляцией новых законов страны ежедневно по 3 часа.²⁸

Выработанный «Наказ» отражает французские источники вдохновения автора и влияние мыслителей Просвещения, а нередко и непосредственные заимствования. Особенно воздействовали на текстологию «Наказа», с одной стороны, сочинение Шарля Луи Монтескье «О духе законов»,²⁹ которое Екатерина II охарактеризовала как «молитвенник государей», ибо весь текст пропитан захватывающей силой разума, – а с другой стороны, труд отличного итальянского правоведа и криминалиста, Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях». Императрица, однако, не выделила суть данных философских сочинений. Ей понравилась не критика западно-европейских мыслителей в адрес феодализма, наоборот, – слабый пункт их идеологии, а именно – их наивная вера в образ просвещенного монарха, на котором она базировала сердцевину своего «Наказа».

Первоначальный текст «Наказа» состоял из 20 глав (в том числе о сенате, о юридическом статусе подданных империи, о равенстве и свободе «граждан», о законах вообще, о наказаниях и судопроизводительной практике, о процессе уголовных судов, о положении крепостных, о росте населения империи, о ремесленничестве и торговле, о воспитании, о помещичестве, о городах, о наследовании, о кодифицировании законов, о религиозной толерантности, и далее о статьях, не требующих объяснения). Но во время работы над текстом добавили еще две главы (о полиции и государственном хозяйстве). В итоге «Наказ» охватил широкий круг общественных проблем, однако, особенной

Чечулина (СПб., 1907), 334. На венгерском языке фрагмент опубликован в книге Э. Нидерхаузера: EMIL NIEDERHAUSER, *Az orosz felvilágosodás* (Budapest, 1966), 71–86. Наша работа написана на столетие с дня рождения (6 ноября 1923 года) академика Э. Нидерхаузера, одного из наиотличнейших знатоков истории Восточной Европы 18–19 веков, автор таким образом выражает свое почтение и отдает дань памяти выдающегося историка.

28 Н. И. Павленко, *Екатерина Великая* (М., 2000), 193.

29 Ш. Л. Монтескье, *О духе законов* (М., 2022); ЧЕЗАРЕ БЕККАРИА, *О преступлениях и наказаниях* (М., 2024).

целью его явилось урегулирование юридической практики и функционирования судов. При этом подчеркивалось, что залог предупреждения болезней и преступности таится в эффективном распространении просветительских идей.³⁰

Вышеперечисленные главы «Наказа» были разделены на параграфы, число которых равнялось 655, 294 из них были переняты у Монтескье, 104 у Беккариа. Критический разбор этого документа может пролить свет на факт компиляции идей известных авторов, т. е. на влияние издаваемой с 1751-го года великой французской «Энциклопедии», немецких публицистов Якова Фридриха фон Бильфельда, Иоанна Гейнриха Готтлоба фон Юсти, шотландского экономиста Адама Смита. Иначе говоря, по крайней мере две трети «Наказа» составлено из переводов иностранных авторов, в чем позже признавалась и Екатерина II.³¹ Переводы выполнял Григорий Васильевич Козицкий, кабинет-секретарь Екатерины, потому что в это время она не вполне владела русским языком.³²

Известны разные текстологические варианты «Наказа». Первая формулировка осуждает очевидно жесткие формы эксплуатации крепостных и применение произвола, перегибы. Когда императрица показала готовый набросок графу Петру Ивановичу Панину, тот после чтения воскликнул, что текст содержит такие «аксиомы», которые «способны опрокинуть стены».³³ Екатерина Великая учла это замечание, высказанное Паниным, но одновременно уполномочила участников дебатов, чтобы они вычеркивали из наброска все, что они не одобряют.

Можно заключить, что даже вполне умеренные реформаторские попытки со стороны императрицы встречались с сильным сопротивлением в кругах русского дворянства. Депутаты из дворянского сословия сократили в первую очередь те части, посредством которых – ради объяснения повышенных государственных налогов – в определенных рамках императрица желала ограничивать эксплуатацию со стороны помещиков. Особенно много было вычеркнуто из главы

30 П. К. Борзаковский, *Императрица Екатерина Великая*, 48.

31 И. А. ИСАЕВ, *История государства и права России* (М., 2006), 153–157.

32 Е. С. Кулябко, *Замечательные питомцы Академического университета* (Л., 1977), 101–127.

33 Ср. В. О. Ключевский, «Курс русской истории LXXVIII», 71.; Ю. Г. Алексеев, «Потомству в пример (О генерале-аншефе русской армии П. И. Панине)», *Военные знания*, по. 3 (1997): 14–15.

IX, в которой предусматривалось улучшение экономического и социального положения крепостных, но в равной степени упорное сопротивление вызвали предложения касательно усиленной поддержки купеческого сословия. Дворяне, однако, целиком поддерживали упразднение местных сословно-корпоративных привилегий. О судьбе балтийских провинций текст «Наказа» гласит следующее: «Эти провинции [...] нужно как можно быстрее русифицировать, чтобы они не хлопали глазами».³⁴

Первый цикл заседаний Уложенной комиссии закончился в Москве в декабре 1767 года. Затем депутаты были откомандированы в Санкт-Петербург, где начиная с 18 декабря 1768 года дебаты над проектом текста свода законов возобновились. Первоначально в столице подкомиссии в течение 5 месяцев обсуждали вопросы правосудия, заслушав выступлений 200 депутатов. Потом, в течение 3 месяцев обсуждались дворянские привилегии, которые непосредственно касались вопроса о крепостном праве. Но скромные предложения Екатерины II нашли поддержку среди немногих. В том числе Григорий Семенович Коробьин, делегат Козловского уезда, указал в своем выступлении 5 мая 1768 года на фиктивность современного судопроизводства, доказав, что бег крепостных спровоцирован самовластием помещиков, частыми злоупотреблениями и непосильными налогами и поборами.³⁵

Общие взгляды дворянских депутатов нашли отражение в выступлении князя Михаила Михайловича Щербатова (депутата от Ярославля), в котором оратор попытался аргументировать, что бег крепостных объясняется не скверными экономическими и социальными условиями, а неблагоприятным воздействием климата. Щербатов последовательно защищал коренное дворянство, придерживаясь его исконных «священных прав». Иметь крепостных есть исключительное преимущество дворянина – подчеркнул будущий знаменитый историк, ибо таким образом дворянин учится тому, как управлять кусочком большой империи. На взгляд Щербатова купцы не могут претендовать на покупку крепостных, в поддержку чего приводил статистические сведения. Согласно этим данным из 7,5 миллионов крепостных мужиков только 3,3 миллиона занимается обработкой земли, выполняя су-

34 А. В. Флоровский, *Состав Законодательной Комиссии 1767 года*, 35; JÓZSEF PERÉNYI, ISTVÁN DOLMÁNYOS, *A Szovjetunió története. Egyetemi jegyzet*. 1. kötet (Budapest, 1981), 172.

35 М. Т. Белявский, *Крестьянский вопрос*, 86–87.

щественные земледельческие задачи, они работают на 17 миллионов человек, обеспечивая их хлебом. Таким образом каждый земледелец кормит 5 других человек, а если 200 тысяч купцов покупали бы по 2 душ, численность пахарей сокращалась бы по 400 тысяч, что недопустимо с учетом среднегодовой урожайности.³⁶

Князя М. М. Щербатова своими резкими взглядами и выпадами в защиту дворянства превзошел, пожалуй, только князь Алексей Васильевич Нарышкин из Михайлова. В своей речи он утверждал, что дворянский чин есть святейший дар, что отделяет одного человека от другого и делает возможным, чтобы дворянин и его наследники жили в соответствии с чином своим. На его взгляд в империи нет даже 2-х миллионов землепашцев, производящих зерно, вот почему претензия купечества покупать крепостных абсурдна и угрожает жизни «святой Руси».³⁷

Во время дебатов быстро выяснилось, что в империи отсутствуют самые элементарные социальные учреждения (больницы, приюты для сирот, аптеки), хлебохранилища, банки, почтамты, школы. Многие жаловались на недостатки правосудия, подчеркивая его средневековую отсталость.³⁸

При созыве Уложенной комиссии и во время дебатов становилось ясно, что политика Екатерины Великой была направлена на присоединение к империи балтийских провинций. Вплоть до 1767 года представители тамошнего дворянства никогда не участвовали в совещаниях подобного масштаба, но теперь согласно «Наказу» они были приглашены присутствовать. И, действительно, члены дворянского самоуправления участвовали в полемике, предшествующей кодификации законов, где пришли к полному согласию с позицией русского дворянства относительно крепостного права. Вдобавок, представители последнего брали за образец положение балтийских крепостных. Мысль об обособленности Лифландии и Эстонии влекла за собой разногласия. Многие русские делегаты выступали против привилегий Прибалтики. На заседаниях все – за исключением балтийских немцев – тре-

36 О биографии и политических взглядах М. М. Щербатова подробнее см. Т. В. Артемьева, *Михаил Щербатов* (СПб., 1994); Д. М. Шанский, «М. М. Щербатов и И. Н. Болтин», в *Истории России XVIII – начала XIX вв.* (М., 1996).

37 Б. Г. Райский, «Дидро и братья Нарышкины», в *Французский ежегодник за 1982 г.* (М., 1984), 112–126.

38 А. И. Бибииков, *История екатеринской Законодательной Комиссии* (Одесса, 1910), 162–164.

бовали ликвидации всех так называемых «пограничных привилегий» и самостоятельности.³⁹

За полтора года функционирования комиссии императрица имела возможность убедиться в том, что ее маневрирующую, просвещенную политику большинство дворянства и помещичества не поддерживает. Диспуты и распри, которые вспыхивали в ходе 203 заседаний, показали, что комиссия – вследствие её состава – не способна действовать. Напряженные противоречия было невозможно гармонизировать. Поэтому императрица отложила заседания в декабре 1768 года под предлогом только что разразившейся русско-турецкой войны и распустила комиссию. Хотя большая комиссия прекратила работу, некоторые секции продолжали функционировать еще долгие годы. В своих мемуарах Екатерина Великая назвала достижения Комиссии успешными, ибо, как она писала: «выяснилось, где жмет башмак, и старались это исправить».⁴⁰

Несмотря на то, что в следующие десятилетия до 1775 года императрица трехкратно одерживала победы (первый раздел Польши в 1772 году, успешное завершение русско-турецкой войны 1768–1774 годов, подавление пугачевского восстания 1773–1775 годов), больше она никогда не созывала комиссию, ведь одна убедилась в отсутствии ее жизнеспособности, бессмыслии и бесплодии полемики.

Потомки однако, не за безуспешность работы Уложенной комиссии⁴¹ критикует деятельность императрицы, которая управляла Российской Империей на протяжении 34 лет, разделяя оценочное суждение собственных и наших современников. Вольтер видел в ней «Северную Семирамиду» и «Великого Законодателя», а Пушкин – «Тартюфа в юбке и короне». Большинство русских, однако, чтит в ней продолжателя политики Петра Великого, так как она осуществила свои реформы благодаря более утонченным методам и избежав крови. Один из близких поклонников императрицы князь Петр Вяземский заметил: «Как странна наша участь [...] немка хотела переделать нас в русских». Александр Сумароков, поэт, драматург и рассуждал, что русским Петр дал «образ жизни», а Екатерина – «душу». Мы вполне можем согла-

39 ПЕТЕР ХОФФМАНН, *Russland im Zeitalter des Absolutismus* (Berlin, 1988), 278.

40 *Записки императрицы Екатерины Второй*. Под редакцией А. С. Суворова (СПб., 1907), 645.

41 О причинах неудачи тоже см. В. И. СЕРГЕЕВ, «Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии?», в *Екатерина II – pro et contra*, 201–239.

ситься со знаменитым историком, академиком Андреем Сахаровым, который в оценке Екатерины Великой считал самым важным тот факт, что императрица воплотила собой новую «модель», амбициозный тип государя, всегда усматривающего интересы империи и посвящающего себя государственному делу.

References

- IU. G. ALEKSEEV, «Potomstvu v primer (o generale-anshefe russkoi armii P. I. Panine)» [An Example for Posterity: On General Chief of the Russian Army P. I. Panin], *Voennye znaniia*, no. 3 (1997): 14–15.
- T. V. ARTEM'EVA, *Mikhail Shcherbatov* [Mikhail Shcherbatov] (Sankt-Peterburg, 1994).
- I. S. БАК, «Dmitrii Alekseevich Golitsyn. Filosofskie, obshchestvenno-politicheskie i ekonomicheskie vozzreniia» [Dmitry Alexeyevich Golitsyn: Philosophical, Socio-Political, and Economic Views], v *Istoricheskie zapiski*, T. 26. (Moskva, 1948), 258–272.
- P. I. BARTENEV, «K zhizneopisaniiu G. S. Vinskogo» [For a Biography of G.S. Vinsky], *Russkii Arkhiv*, no. 6 (1877): 62.
- CESARE BECCARIA, *O prestupleniakh i nakazaniakh* [On Crimes and Punishments] (Moskva, 2024).
- M. T. BELIAVSKII, *Krest'ianskii vopros v Rossii nakanune vosstaniia E. I. Pugacheva* [The Peasant Question in Russia on the Eve of the E. I. Pugachev Rebellion] (Moskva, 1965).
- M. T. BELIAVSKII, L. G. KISLIAGINA, «Obshchestvenno-politicheskaia mysl'» [Social and Political Thought], v *Ocherki russkoi kul'tury XVIII veka. Chast' tret'ia*. Glavnyi redaktor: A. B. RYBAKOV (Moskva, 1988), 162–211.
- P. N. BERKOV, *Istoriia russkoi zhurnalistiki XVIII veka* [A History of Russian Journalism in the 18th Century] (Moskva–Leningrad, 1958), 74–83.
- A. I. BIBIKOV, *Istoriia ekaterinskoii Zakonodatel'noi Komissii* [A History of Catherine's Legislative Commission] (Odessa, 1910), 162–164.
- A. G. BOLEBRUKH, *Peredovaia obshchestvenno-politicheskaia mysl' vtoroi poloviny XVIII veka i tsarizm* [Tsarism and Advanced Social and Political Thought in the Second Half of the 18th Century] (Dnepropetrovsk, 1979).
- P. K. BORZAKOVSKII, *Imperatritsa Ekaterina Velikaia* [Empress Catherine the Great] (Moskva, 1991), 48.
- D. V. BUGROV, «“Nadezhda” v Antarktide: zagadki Ofirskoi utopii kniazia M. M. Shcherbatova» [“Hope” in Antarctica: The Mystery of Prince M. M. Shcherbatov's Ofir Utopia], *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 47 (2006): 275–291.
- N. D. CHECHULIN, «Ob istochnikakh “Nakaza”» [On the Sources of the “Nakaz”], *Zhurnal Ministerstva narodnago prosveshcheniia*, no. 4 (1902): 33–36.
- I. Z. DERGACHEV, «Iz istorii russkoi obshchestvennoi mysli (70-ye gody XVIII veka)» [From the History of Russian Social Thought (the 1770s)], v *Uchenye zapiski Ul'ianovskogo pedagogicheskogo instituta*, T. 21. (Ul'ianovsk, 1969), 224–256.
- ERICH DONNERT, *Politische Ideologie der russischen Gesellschaft zu Beginn der Regierungszeit Katharina II* [The Political Ideology of Russian Society at the Beginning of Catherine II's Reign] (Berlin, 1976), 63–64. <https://doi.org/10.1515/9783112700631>

- I. A. FEDOSOV, *Iz istorii russkoi obshchestvennoi mysli XVIII stoletii*. M. M. Shcherbatov [From the History of Russian Social Thought in the 18th Century. M.M. Shcherbatov] (Moskva, 1967), 64.
- I. M. ELKINA, «Ekaterina II – prosvetitel' ili konservator?» [Catherine II – Proponent of the Enlightenment or Conservative?], *Vestnik MGU, seriia «Istoriia»*, no. 3 (2010): 9–26.
- I. M. ELKINA, «Frantsuzskie prosvetiteli i kniga Shappa D'otrosha o Rossii» [French Enlightenment Thinkers and Abbé de Chappe d'Auteroche's Book on Russia], *Vestnik MGU, seriia «Istoriia»*, no. 3 (1973): 71–81.
- A. V. FLOROVSKII, *Sostav Zakonodatel'noi Komissii 1767 goda* [The Composition of the Legislative Commission of 1767] (Odessa, 1915), 24–32.
- PETER HOFFMANN, *Russland im Zeitalter des Absolutismus* [Russia in the Age of Absolutism] (Berlin, 1988), 278. <https://doi.org/10.1515/9783112563885>
- I. A. ISAEV, *Istoria gosudarstva i prava Rossii* [A History of the State and Law in Russia] (Moskva, 2006), 153–157.
- A. G. IVANOV, «Krest'ianskii vopros v Rossii vtoroi poloviny XVIII veka v trudakh istorika M. T. Beliavskogo (1913–1989)» [The Peasant Question in Russia in the Second Half of the 18th Century in the Works of Historian M.T. Belyavsky (1913–1989)], v *Khoziastvuiushchie sub"ekty v agrarnom sektore Rossii: istoriia, ekonomika, pravo* (Kazan', 2012), 527–533.
- S. G. KALININA, «Problemy rekonstruktsii biografii kniazia M. M. Shcherbatova» [The Challenges of Reconstructing the Biography of Prince M.M. Shcherbatov], *Arkhiv russkoi istorii*, no. 7 (2002): 126–127.
- A. B. KAMENSKII, *Ot Petra I do Pavla I*. [From Peter I to Paul I] Izd. 3. (Moskva, 2019).
- A. B. KAMENSKII, *Pod sen'iu Ekateriny (vtoraia polovina XVIII v.)* [Under the Shadow of Catherine (the Second Half of the 18th Century)] (Sankt-Peterburg, 1992), 47–49.
- A. B. KAMENSKII, *Zhizn' i sud'ba imperatritsy Ekateriny Velikoi* [The Life and Destiny of Empress Catherine the Great] (Moskva, 1997), 189.
- S. IA. KARP, *Frantsuzskie prosvetiteli i Rossiia. Issledovaniia i novye materialy po istorii russko-frantsuzskikh kul'turnykh svyazei vtoroi poloviny XVIII veka* [French Enlightenment Thinkers and Russia: Research and New Materials on the History of Russo-French Cultural Connections in the Second Half of the 18th Century] (Moskva, 1998).
- V. O. KLIUCHEVSKII, «A Kurs russkoi istorii LXXVIII» [The Course of Russian History 78], v *Sochineniia 9-ti tt. T. 5. Kurs russkoi istorii Ch. 5* (Moskva, 1989), 84.
- D. F. KOBEKO, «Ekaterina i Zhan-Zhak Russo» [Catherine and Jean-Jacques Rousseau], v *Ekaterina II – pro et contra: antologiiia* (Sankt-Peterburg, 2006), 633–648.
- D. F. KOBEKO, «Ekaterina II i Dalamber» [Catherine II and D'Alembert], v *Ekaterina II – pro et contra: antologiiia* (Sankt-Peterburg, 2006), 649–657.
- IU. IA. KOGAN, *Prosvetitel' XVIII veka Ia. P. Kozel'skii* [The 18th Century Proponent of Enlightenment Ya. P. Kozelsky] (Moskva, 1958).
- E. S. KULIABKO, *Zamechatel'nye pitomtsy Akademicheskogo universiteta* [The Academic University's Wonderful Pets] (Leningrad, 1977), 101–127.
- S. P. LUPPOV, *Frantsuzskaia kniga v Rossii v XVIII veke* [The French Book in Russia in the 18th Century] (Leningrad, 1986).
- Moe vremia. Zapiski G. S. Vinskogo* [My Time: Memoirs of G.S. Vinsky] Redaktsiia i vstupil'naia stat'ia P. E. SHCHEGOLEVA (Sankt-Peterburg, 1914).

- LÁSZLÓ V. MOLNÁR, «II. Katalin» [Catherine II], in GYULA SZVÁK (szerk.), *A tizenkét legnagyobb orosz* (Budapest, 2009), 230.
- MONTESQUIEU, *O dukhe zakonov* [The Spirit of Law] (Moskva, 2022).
- V. I. MORIAKOV, *Russkoe prosvetitel'stvo vtoroi poloviny XVIII veka* [The Russian Enlightenment of the Second Half of the 18th Century] (Moskva, 1994).
- Nakaz imperatritsy Ekateriny II, dannyi Komissii o sochinenii proekta novogo Ulozheniia* [The Nakaz of Empress Catherine II, Given to the Commission for Composing a Draft of a New Code] Pod redaktsiei N.D. CHECHULINA (Sankt-Peterburg, 1907), 334.
- EMIL NIEDERHAUSER (összeáll.): *Az orosz felvilágosodás* [The Russian Enlightenment] (Budapest, 1966).
- O. A. OMEĻ'CHENKO, *Vlast' i zakon v Rossii XVIII veka* [Power and Law in Russia in the 18th Century] (Moskva, 2004), 73–75.
- N. I. PAVLENKO, *Ekaterina Velikaia* [Catherine the Great] (Moskva, 2000), 193.
- JÓZSEF PERÉNYI, ISTVÁN DOLMÁNYOS, *A Szovjetunió története. Egyetemi jegyzet. 1. kötet* [A History of the Soviet Union] (Budapest, 1981), 172.
- P. N. PETROV, «Ekaterina II – zakonodatel'nitsa» [Catherine II – Legislator], v *Ekaterina II – pro et contra: antologiya* (Sankt-Peterburg, 2006), 151.
- «Pis'ma imperatritsy Ekateriny II k kniazuiu A. A. Viazemskomu» [The Letters of Empress Catherine II to Prince A. A. Vyazemsky], *Russkii Arkhiv*, no. 2 (1866): 625–632.
- A. IA. POLENOV, «O krepostnom sostoianin krest'ian v Rossii» [On the Serfdom of the Peasants in Russia], v *Izbrannye proizvedeniia russkikh myslitelei vtoroi poloviny XVIII veka. T. 2.* (Moskva, 1952), 7–29.
- A. IA. POLENOV, «O krepostnom sostoianin krest'ian v Rossii» [On the Serfdom of the Peasants in Russia], *Russkii Arkhiv* (1865): 509–541.
- B. G. RAISKII, «Didro i brat'ia Naryshkiny» [Diderot and the Naryshkin Brothers], v *Frantsuzskii ezhegodnik za 1982 g.* (Moskva, 1984), 112–126.
- V. I. SEMEVSKII, *Krest'ianskii vopros pri Ekaterine II* [The Peasant Question during the Reign of Catherine II] (Sankt-Peterburg, 1879), 201–260.
- V. I. SERGEEV, «Otkuda neudachi Ekaterinskoi zakonodatel'noi komissii?» [Where Did the Failures of the Catherine's Legislative Commission Originate From?], v *Ekaterina II – pro et contra: antologiya* (Sankt-Peterburg, 2006), 201–239.
- D. M. SHANSKII, «M. M. Shcherbatov i I. N. Boltin» [M. M. Shcherbatov and I. N. Boltin], v *Istoriki Rossii XVIII – nachala XIX vv.* (Moskva, 1996).
- D. N. SHANSKII, «Nekotorye voprosy istorii Rossii v trudakh frantsuzskikh uchenykh vtoroi poloviny XVIII veka» [Some Questions of Russian History in the Works of French Scholars in the Second Half of the 18th Century], *Vestnik MGU, seriia «Istoriiia»*, no. 6 (1981): 46–59.
- M. M. SHCHERBATOV, *Izbrannye trudy* [Selected Works] (Moskva, 2010), 145–178.
- I. IA. SHCHIPANOV, *Filosofia russkogo prosveshcheniia (vtoraia polovina 18 veka)* [The Philosophy of the Russian Enlightenment (Second Half of the 18th Century)] (Moskva, 1971).
- M. F. SHUGUROV, «Uchenie i ucheniki v XVIII veke: po povodu biografii A. Ia. Polenova» [Teaching and Students in the 18th Century: Regarding the Biography of A. Ya. Polenov], *Russkii Arkhiv* (1866): 304–324.

V. A. ТОМСИНОВ, «Iuridicheskie fakul'tet Moskovskogo universiteta vo vtoroi polovine XVIII veka» [The Law Faculty of Moscow University in the Second Half of the 18th Century], *Vestnik MGU, seriia «Pravo»*, no. 6 (2004): 3–26.

V. A. ТОМСИНОВ, «Pervye russkie professora Iuridicheskogo fakul'teta Moskovskogo universiteta: S. E. Desnitskii i I. A. Tret'iakov» [The First Russian Professors of the Law Faculty of Moscow University: S.E. Desnitsky and I.A. Tretyakov], *Vestnik MGU, seriia «Pravo»*, no. 6 (2004): 27–36.

G. K. TSVERAVA, *Dmitrii Alekseevich Golitsyn* [Dmitry Alexeyevich Golitsyn] (Leningrad, 1985), 164–165.

L. A. VOLKOVA, «“Nakaz” Ekateriny II v otechestvennoi dorevoliutsionnoi istoriografii» [Catherine II's «Nakaz' in Pre-Revolutionary Russian Historiography], v *Istoricheskii ezhegodnik*. 2005 (Omsk, 2006), 49–50.

«Zapiski Grigoriia Stepanovicha Vinskogo» [The Memoirs of Grigory Stepanovich Vinsky], *Russkii Arkhiv*, no. 2 (1877): 156–195.